

Куда пропал «волковысский» клад?



На территории Волковысского района осенью 2014 года был найден клад. Крупнейший среди всех зафиксированных на территории Беларуси. Находка пересчитана поштучно: 9.006 монет, в большинстве серебряных. Они систематизированы по периодам чеканки. «Младшие» монеты — олькушский солид и рижский трояк — отчеканены в 1590 году; «старшие» — в период короля Ягайло, 1377 — 1392 годы. Названы эмиссионные центры: ВКЛ, королевство

Польское, Бранденбург, Тевтонский орден, герцогство Пруссия... Данные сведены в доклад, который был зачитан на конференции и официально опубликован.

Но клад исчез. Сотрудники музеев Минска и Гродно, где артефактам самое место, в глаза его не видели. Суммарную рыночную стоимость раритетных монет оценивают как минимум в 100 тыс. долларов. Не в этом ли причина их исчезновения?

Гродно. «Монетный двор»



На площадке между Старым и Новым замками Гродненского государственного историко-археологического музея расположился импровизированный монетный двор. Ремесленник Павел чеканит монеты, которые туристы выбирают по образцам. Кладет заготовку в пресс-форму и бьет сверху кувалдой. Иногда туристы, чаще дети, просят ударить сами. Не каждый удержит кувалду и попадет в нужное место. Павел старается помочь так, чтобы гость был уверен: он сам отчеканил монету.

От туристов нет отбоя, за сувениры отдают до 10 рублей. Столько стоит копия монеты 1586 года. «Последнего года жизни Стефана Батория, причастного к нашему замку», — подчеркивает Павел. А сколько стоит настоящая, аутентичная монета? Может 10 долларов, а

может и 10 тысяч, отвечает ремесленник. Чеканка сувенирных монет для него, говорит, даже не бизнес, а хобби: нравится ему развлекать туристов и рассказывать им что-то из истории города. О крупнейшем кладе под Волковыском Павел (на снимке ниже) не слышал.

«Мама, я сделала денежку!» — маленькая девочка торжествующе подняла над головой сверкающую монетку.

Конспирация

Полчаса назад в гродненском сквере я «конспиративно» встретился с двумя жителями города. Ранее один из них, историк, обратился в редакцию за помощью. Оба опасаются, что ценнейший клад, который должен принадлежать государству, частями или поштучно распродается на черном рынке. Прямых доказательств нет, но есть косвенные: предложения на интернет-ресурсах, слухи среди местных коллекционеров...

О кладе они узнали от знакомых нумизматов из Литвы и Польши. Те, прочтя доклад в открытых источниках, просили содействия в доступе к раритетам. Они

изучают денежное обращение ВКЛ и Речи Посполитой, отслеживают все находки, которые поступают в музеи и частные коллекции своих стран.

Мои собеседники выглядели компетентными в нумизматике и явно дорожили историей своей земли. В поисках сокровищ проделали серьезную работу, собрали досье. Выяснили, что клад предположительно был найден в деревне Араны Волковысского района, где была господская усадьба. Дескать, местные жители подтверждали, что видели людей с металлоискателями. А позже, мол, началось паломничество: искатели подгоняли машины, загружали и вывозили грунт...

Собеседники рассказали еще две истории. При реконструкции помещения в Гродно строители нашли золотые монеты. Находку не утаили и получили 25 процентов ее стоимости, еще четверть досталась владельцу помещения. Монеты поступили в музей. Позже при разборке чердака дома на месте бывшего гродненского гетто были также найдены золотые монеты и слитки. Найдены — и предъявлены государству. Так же, настаивают собеседники, следовало поступить и с «волковысским» кладом.

Они прекратили поиски — из опасений, что придется отвечать за «самодельные» следственные действия. А еще сочли, что неприятности могут грозить от тех, кто кладом или его частями владеет или владел. 100 тысяч у.е. — серьезная сумма. «Как минимум сто тысяч!» — уверенно утверждали оба. Словом, было решено обратиться в газету, просив сохранить инкогнито. Причина уважительная.

После этого разговора я и направился в Гродненский государственный историко-археологический музей. Неужели в нем действительно не знают про крупнейший «волковысский» клад? Диалог с директором Юрием Китурко был недолог.

— Я лично нет.

— А такое вообще бывает, чтобы клад был найден и... пропал?

— Постоянно.

Первоисточник

Вернувшись в Минск, я отыскал в интернете доклад, который упоминался в Гродно. «Сокровища XV — XVI веков из-под Волковыска: предварительные результаты исследования». Здесь и сказано, что «сокровище является крупнейшим по количественно-качественному составу из монетных комплексов, которые были зафиксированы на территории Беларуси». Публикация в «Банковском вестнике» датирована декабрем 2016 года — давненько. С тех пор немало утекло воды и, может статься, монет. Или они «утекли» уже к моменту публикации? На предположение наталкивает фраза в конце статьи: «К сожалению, представленный депозит перестал быть единым комплексом уже в момент своего обнаружения, и общего снимка сокровища нам получить так и не удалось».

Депозит был пересчитан с точностью до единицы (ровно 9 тысяч и 6 монет) и систематизирован по историческим критериям, но даже не был сфотографирован? Поскольку к тому времени уже исчез? Как такое возможно?

Издатель вестника — Нацбанк. Александра Воробьева, руководитель группы музея денег, ответила любезно:

«Публикация была после международной конференции, которую мы организовываем раз в два года, стремясь объединить коллекционеров, ученых и музейных работников с целью создания цивилизованного нумизматического рынка. Состав участников и доклады, как правило, формируются при поддержке Белорусского нумизматического общества». Иначе говоря, «Банковский вестник» лишь опубликовал представленную статью. Отметив важную роль в сохранении исторического наследия Виктор Пономарев. Куда пропал «волковысский» клад?

страны нумизматов вообще и лично председателя общества Виктора Кокореко, собеседница рекомендовала обратиться к нему. Но прежде хотелось вникнуть в специфическую тему самому.

Археологические изыскания регламентирует Кодекс о культуре. Лицо, даже случайно обнаружившее ценность, которой может быть придан статус историко-культурной, обязано принять меры для ее сохранения, немедленно прекратить работы и в течение двух дней письменно сообщить о находке в местный орган власти. Тот — в областную комиссию по археологическим объектам. После решения об отнесении находки к артефактам нашедшему выплачивается вознаграждение. Целенаправленный поиск артефактов возможен только при археологических исследованиях, на основании разрешения Академии наук...

Исчерпывающе. В истории «волковысского» клада нарушены, по крайней мере, несколько требований кодекса. Хотя бы такое: «Разукомплектование коллекции запрещено». По факту «депозит перестал быть единым комплексом».

«Случай обыкновенный»

Марат Климов, научный сотрудник Института истории НАН, нашел и потом исследовал клад монет XV — XVI веков в Лучно, под Полоцком, на месте феодальной усадьбы. Он находился в глиняном горшке и содержал 22 монеты: полугроши Сигизмунда Первого Старого и Александра Ягеллончика, полугрош Сигизмунда Второго Августа, одна монета принадлежала чеканке Ягайло... В сумме они составляли около 120 грошей: цена коня. Деньги могли принадлежать даже крестьянину. Клад по акту был передан в институт. Содержится в фондах. Экспонироваться не может: для этого нет условий. Иначе говоря, даже полугроши XVI века сегодня представляют такую ценность, что без спецсредств охраны и сигнализации их нельзя выставлять напоказ.



По поводу волковысской находки ученый высказался определенно:

— Случай не единичный, практика очень распространена. Часть кладов «копатели» неофициально, на условиях полной анонимности отдают, например, магистрантам — на время, для изучения. Потом редко кто оставляет монеты себе: их ждет распродажа. Если исследования опубликованы — еще лучше: «опубликованный» клад дороже стоит. И для науки этот клад уже считается в какой-то степени не потерянным: его изучили.

— Разве эта практика не противоречит закону?

— Я не комментирую закон — констатирую. Иначе мы не получим никакой информации! Вообще! Монеты уйдут на черные аукционы, просто за границу: в Россию, Польшу, Литву... О кладе мы не будем иметь даже представления. Ведь музеи ничего не могут закупать у «черных копателей».

«Ситуация стандартная»

...Хотелось надеяться, что следы «крупнейшего в истории клада» известны в Национальном историческом музее. В ответ на запрос его директор Павел Сапотько ответил официально, письменно, кратко: «В ответ на Ваше письмо сообщаем, что по

вопросу приобретения или атрибуции описанного Вами клада в музей не обращались».

Но я все же попросил встречи с музейными работниками. Старший научный сотрудник отдела археологии, нумизматики и оружия Роман Грицук участвовал в конференции, на которой был представлен доклад: «Состав клада вполне стандартный и отличается лишь объемом. У нас есть похожий комплекс, в котором около четырех тысяч монет». Он предполагает, что «волковысский» клад, скорее всего, нашел не один искатель и не одновременно. Дескать, обычно артефакты находят, например, после прохода трактора с плугом по полю: «Кто-то обнаруживает монеты, об этом узнают другие... Вполне стандартная ситуация».

Как поступить правильно, разъяснила и.о. заведующего отделом Людмила Толкачева: «В новом Кодексе о культуре все четко прописано. О находке следует сообщить в местный музей; он проводит атрибуцию, находке присваивается категория, и в течение 14 дней с этого момента местный орган власти выплачивает вознаграждение — 25 процентов стоимости». Историю про два гродненских клада Людмила подтверждает. Сначала, когда поднимали полы, нашли один из полутора десятков золотых монет. Провели необходимую процедуру, выплатили деньги, и через несколько месяцев строители принесли второй. Потянет ли местный бюджет нужные суммы? По мнению собеседников, они не критичны.



Покупать артефакты у «копателей» музей действительно не имеет права — только у коллекционеров. Отличить коллекционный предмет от недавно найденного для профессионала не проблема. Впрочем, предложений о покупке в последние лет 18 и не поступало. Обычно люди просто приносят в музей предметы, которые нашли, скажем, перекапывая огород. «Отдают даром, таких примеров немало».

Собеседники фактически подтвердили стоимость «волковысского» клада, которую мне называли в Гродно. Подсчет прост. Монета XV — XVI веков, по словам Людмилы Толкачевой, может стоить 20 — 30 долларов. Перемножая на 9 тысяч, получаем 200 — 300 тысяч у.е. При этом надо помнить слова ученого Марата Климова: «В нумизматике, как в любом виде коллекционирования, редкость артефакта определяет его стоимость: одна монета уникальной чеканки может перевесить по стоимости остальную часть клада».

Но где же сейчас может быть «волковысский» клад? Роман Грицук: «Скорее всего, распродан».

Мысли вслух

На тот же вопрос, какова судьба клада, где его можно видеть частями или полностью, председатель Белорусского нумизматического общества Виктор Кокореко ответил встречным: «Сколько прошло лет?»

Разговор был познавательным, изложу его кратко. Виктор Иванович не видит в волковысской находке ничего сенсационного: «Самые простые монеты, мелкие номиналы, просто в большом количестве». Комментируя правовую коллизию, в которой оказался автор доклада, Виктор Кокореко взял ответственность на себя. Дескать, Указ № 485 был издан через несколько лет после обнаружения клада и

работы с ним ученого. В тот момент он рисковал разве что штрафом. Именно Виктор Кокореко убеждал его подготовить и опубликовать доклад — ради науки.

Прямо сказал, что не знает, где может быть клад. Главное, мол, что монеты не переплавлены и наверняка оказались в руках настоящих профессионалов. Попросил «не обижать» добросовестных коллекционеров, которые немало стараются ради сохранения исторического наследия.

Надо напомнить, что Указ № 485 от 14 декабря 2015 года направлен на совершенствование охраны археологических объектов и артефактов. Запрещены их приобретение, продажа, дарение, мена, залог. Исключения предусмотрены для государственных организаций и музеев, а также физических и юридических лиц, которые до 1 января 2017 года должны были включить имеющиеся в их собственности предметы в реестр археологических артефактов.

Еще до разговора с Виктором Кокореко я решил не указывать имя и место работы автора доклада. Профессионалам он известен. Не имею права бросать тень на его репутацию. Допускаю, что он получил предложение, от которого как ученый не мог отказаться. Коллизия щекотливая. Он наверняка подозревал сомнительность происхождения клада. В милицию бежать? Откажись он осмотреть находку — и про нее больше никто не узнает: растворится на рынке. Должно быть, победил азарт исследователя. С этим докладом он уже вошел в историю: в будущем ученые станут ссылаться на него. В конце концов, он и обществу, и государству о находке сообщил. Допускаю, что заслуга перевешивает профессиональный «грех», если он и был.

Существенную ясность в это дело внес по моей просьбе подполковник милиции Алексей Ковальчук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД. Его подробные ответы привожу в сокращении. Поиск археологических артефактов без разрешения является административным правонарушением и влечет наложение штрафа. Аналогичным образом закон трактует приобретение, продажу, дарение, мену и залог археологических артефактов — если нет признаков незаконной предпринимательской деятельности. Но присвоение в особо крупном размере (в тысячу и более раз превышающий размер базовой величины, установленный на день совершения преступления) найденного, заведомо чужого имущества или клада, является уголовно-наказуемым деянием и наказывается общественными работами, или штрафом, или арестом.

При этом в действиях лица, которому достоверно известен факт незаконного обнаружения клада (вопрос был о "грехе" ученого), состав преступления в виде недонесения об особо тяжком преступлении, отсутствует.

Все сказанное не отменяет «греха» тех, кто клад нашел и утаил. Именно ученый квалифицировал его как сокровище, «скарб». Как ни крути, его нет. Исчезли пусть не 200 тысяч долларов и даже не 100, но явно больше тысячи базовых величин! Пропажа такой ценности, по определению принадлежащей государству, разве не повод для возбуждения уголовного дела? На этот вопрос мне ответил заместитель Генерального прокурора Геннадий Дыско: «Думаю, да. Только после проверки! Проверка нужна в любом случае, чтобы выяснить, что за клад, кто его нашел, кому представил, что было потом...»

Сфера «любительских», незаконных раскопок по определению трудна для регулирования. Даже для искоренения браконьерства как массового явления потребовались годы: шлифовалось законодательство, выносились резонансные приговоры, росло социальное самосознание граждан. Но браконьеры хотя бы оставляют больше следов: выстрелы, сети, транспорт для перевозки туши или рыбы... Копатели работают конспиративно: без свидетелей, тихо, в укромных местах, унося

Источник: “Советская Белоруссия” — 2019-06-13

добычу в сумках или карманах. Ищи-свищи. Для решения проблемы мало одних только законов. Необходимо всеобщее осознание и понимание, что незаконно извлеченная из-под земли вещь, которой пользовались наши предки, — это кража независимо от ее стоимости.

Сколько денежных артефактов были проданы вовсе без исследований, можно только гадать. Административная ответственность, похоже, копателей не пугает. Применимо ли здесь понятие «черный рынок»? Выходим на аукцион в белорусском сегменте интернета — множество предложений. Вот лишь одно: трояк Стефана Батория, 1585 год. Похожий сувенир чеканит ремесленник Павел. Внесена ли монета, как требует закон, в реестр археологических артефактов, не сообщается. Цена на данный момент — 300 белорусских рублей. До закрытия аукциона еще несколько дней: торги продолжаются.